

НЕКОТОРЫЕ МЫСЛИ О ФИЛОСОФИИ АЛЬБЕРА КАМЮ

В статье рассматриваются актуальные аспекты экзистенциализма Альбера Камю как особой формы социально-философской антропологии. Человек рассматривается Камю через ряд предельных ситуаций, приводящих в эпоху глобального кризиса на грань экзистенции. Нетрадиционный и глубокий анализ вечных понятий бытия, существования, случайности, свободы приводит мыслителя к выводам о тотальной абсурдности существования. Камю – абсолютно самостоятельное явление, в очередной раз – но на совершенно новом уровне – демонстрирующее генетическую связь философии и литературы как мировоззренческих и смыслообразующих форм человеческой культуры.

Ключевые слова: экзистенциализм, философия истории, философия литературы, абсурд, нигилизм, мировоззрение.

В 2013 году исполняется 100 лет со дня рождения Альбера Камю (1913–1960) – крупнейшего мыслителя, писателя и деятеля французского Сопротивления, лауреата Нобелевской премии по литературе 1957 года. Именно в речи по случаю вручения этой престижной премии Камю, характеризуя свою жизненную позицию, сказал, что слишком крепко прикован к галере своего времени, чтобы не грести вместе с другими, даже полагая, что галера провоняла селёдкой, что на ней многовато надсмотрщиков и что, помимо всего, взят неверный курс. «И художник, – сказал Камю, – наравне с другими обязан сидеть за веслами, стараясь, насколько это возможно, не умереть, то есть продолжая жить и творить» [1;364].

При жизни Камю часто называли «совесть Запада», что уже само по себе говорит о многом. Его единомышленниками были многие выдающиеся деятели искусства и культуры. В начале XXI столетия настало время переосмыслить творческое наследие Камю, которое в некоторых отношениях продолжает оставаться необычайно актуальным. Особенно это касается философских аспектов мировоззрения Альбера Камю, размышлениям о которых и посвящена настоящая статья.

Многие и по сей день считают, что философы должны занимать отстраненную позицию к политическим процессам современности и исследовать абстракции онтологического, гносеологического и аксиологического плана вне всякой связи со жгучими проблемами наших дней. Но прожить всю жизнь в башне из слоновой кости нельзя, да в России это и невозможно для нашей нищей интеллигенции, обреченной властью на вымирание. И нельзя уподобляться стра-

усу, зарывающему голову в песок при малейшей опасности для собственного, пусть и мизерного, комфорта. Тем более что у страуса при схороненной голове все остальные части тела отнюдь не находятся в безопасности. И не понимает этого лишь сам страус. Между прочим, об этом некогда прекрасно сказал сам Альбер Камю: «Творить сегодня стало делом небезопасным. Всякая публикация ныне есть общественный акт, отданный на растерзание бурным страстям века, который никому ничего не прощает» [1;365].

По другому поводу Камю говорит: «Верно, что люди моего поколения видели слишком много, чтобы мир мог сохранить для них видимость «розовой библиотеки». Они знают, что есть тюрьмы и казни на рассвете, что невинность часто убивается, а ложь торжествует. Но это не отчаяние! Это – ясность. Подлинное отчаяние означает слепоту. Оно примиряется с ненавистью, насилием и убийством. С отчаянием такого рода я никогда не соглашался» [1;6].

В литературе часто утверждается, что экзистенциализм уже принадлежит истории. В этом есть доля истины, но если рассматривать экзистенциальную философию в широком смысле, а именно как совокупность социально-философских взглядов на судьбу человека в эпоху всеобъемлющего кризиса, то есть как специфическую форму социально-философской антропологии, то тогда такая философия будет вечно актуальной. Особого внимания заслуживает непростая судьба экзистенциализма в нашей стране. Если в советское время казеннокоштные философы критиковали экзистенциализм как вырожденческую философию Запада, то после гибели СССР положение изменилось. Интерес к экзистенциа-

листским идеям обострился именно потому, что страна наша уже четверть века находится в пограничной, предельной ситуации. Россия в 90-е годы продала право своего социалистического первородства за протухшую чечевичную похлебку рыночной экономики и либеральных свобод. Надежды на процветание страны в новых исторических реалиях обернулись невиданным унижением народа, уничтожением образования, нравственности и культуры и превращением некогда великой державы в сырьевой придаток Запада. Вряд ли Камю, если бы он дожил до начала горбачевской перестройки, одобрил бы забвение социалистических идеалов или предательское уничтожение СССР.

Современной России угрожает окончательное уничтожение, а близость смерти (по Хайдеггеру – последнего «экзистенциала») приводит людей, как правило, к раздумьям о смысле и содержании собственной жизни. Большинство наших сограждан сейчас находятся в «пограничной ситуации», на грани жизни и смерти. От повседневности и «пошлого быта» мыслящий человек часто обращается к философским раздумьям о бытии, в то время как зомбированный толерантностью и политкорректностью граждан новой России ищет утешения в наркотиках, водке и отупляющих телевизионных шоу.

Камю сложно отнести к какому-либо философскому направлению, поэтому многие солидные учебные курсы по истории философии обходят его молчанием, но подробно повествуют, скажем, о Сартре. Сам Камю философом себя не считал, хотя получил философское образование в Алжирском университете, защитив в 1937 году магистерскую диссертацию «Неоплатонизм и христианская мысль». Выучившийся на «медные деньги» Камю – выходец из народных низов, поэтому он всю жизнь симпатизировал марксизму и социалистическим идеалам. Отец Камю был смертельно ранен в битве при Марне, а он сам вырос в период между двумя мировыми войнами, что не могло не повлиять на формирование его мировоззрения. Формально он был исключен из Французской коммунистической партии за симпатии к троцкизму. При Хрущеве Альбер Камю осудил советское вмешательство в Венгрию и нелепую травлю Бориса Пастернака.

В строгом смысле (если по поводу экзистенциализма вообще можно так говорить) Камю не

может быть зачислен в экзистенциалисты. В отличие от большинства экзистенциалистов, мыслитель не рассматривал природу как нечто изначально враждебное человеку. Философские взгляды Камю на протяжении его недолгой жизни менялись существенным образом. В начале своего творчества Камю уделял особое внимание онтологическим и гносеологическим проблемам, которые впоследствии отошли на второй план. Нетрадиционный и глубокий анализ вечных понятий бытия, существования, случайности, свободы приводит его к выводам о тотальной абсурдности существования, изначально и непреодолимом конфликте между людьми, свободе как имманентно присущем человеку состоянию. Камю задается вечными вопросами: каково положение человека в мире? Стоит ли вообще жить в мире, который иррационален и чужд человеку? Поэтому и основной вопрос философии для Камю звучит так: «решить, стоит или не стоит жизнь того, чтобы ее прожить?» [1;22]

Камю – абсолютно самостоятельное явление, в очередной раз – но на совершенно новом уровне – демонстрирующее генетическую связь философии и литературы как мировоззренческих и смыслообразующих форм человеческой культуры. Камю продолжает традиции морализирующей литературы и афористики, имеющей во Франции глубокие корни. Традиции эти восходят к Вольтеру, Дидро, Монтеню, Ларошфуко. Но ясностью и красотой стиля Камю выгодно отличается от своего современника Сартра, с которым он то солидаризировался, то расходился во мнениях. Существенное влияние на Камю как на писателя и мыслителя – не только на его основополагающие идеи, но и сам стиль, – оказали творения Кьеркегора, Ницше, Хайдеггера, Льва Шестова, творчество Достоевского, Кафки.

Как у Камю, так и у Сартра, экзистенциализм выражал себя через те формы, которыми пользуется литература и так называемая житейская мудрость, выражаемая афоризмами. В европейской философии развитие афористики получило новые импульсы, начиная с «житейской мудрости» Шопенгауэра. Будучи несистематическим, дискретным выражением каких-то истин, афористика широко распространилась среди интеллектуалов именно вследствие того обстоятельства, что образованной публике наскучило философское системосозидание. Гёте некогда заметил, что не все сущее делится на разум без

остатка. От излишнего рационализирования и системосозидания в философии устали сразу после Гегеля. Можно констатировать, что оживление иррационалистических моментов в европейской философии происходило вместе со становлением экзистенциализма.

После Гегеля в философии стало проявляться даже какое-то отвращение к построению больших метафизических систем, стремящихся охватить весь универсум. Сам Камю в одном из интервью сказал, что недостаточно верил в разум, чтобы верить в систему. Французы особенно преуспели в этом негативном отношении к системам именно вследствие своей богатой традиции литературно-философской афористики. Легкость мысли и красота стиля Паскаля и Декарта, Вольтера и Руссо даже дали повод Владимиру Соловьеву в его труде «Философское начало цельного знания» бросить французской философии такой упрек: «... при ...бедности языка французы не пошли в области философии дальше первых элементов умозрения, установленных Декартом и Мальбраншем; вся последующая их философия состоит из отголосков чужих идей и бесплодного эклектизма» [3;397].

Образ бессмысленного труда, божьего наказания, был положен в основу «Мифа о Сизифе» (1942). Сизиф поистине стоически делает бессмысленное и абсурдное в полном абсурда мире. Камю строит философскую метафору, с помощью которой он старается возобновить в европейской культуре традицию стоицизма, то есть человеческого действия, хотя и полного внутреннего достоинства, но все же без всякой надежды на успех. Нет даже никаких оснований для того, чтобы это действие было успешным – камень скатывается вновь и вновь. Но все же есть нечто в самом человеческом достоинстве, что требует продолжать эту работу именно без надежды на успех.

В «Мифе о Сизифе» Камю рассматривает модели поведения героев, признаваемых абсурдными, – Дон Жуана, Актера, Творца, Завоевателя. Вся эта небольшая философская вещь проникнута разнообразными философскими и литературными параллелями, историческими и социо-культурными реминисценциями.

Все есть благо... Так звучит заключительная реплика Эдипа у Софокла. И то же самое произносит и Сизиф у Камю. И это уже не религия, но мудрость. Не оптимизм, но трагизм.

Не вера, но верность. Камю пишет: «Сизиф учит высшей верности, которая отрицает богов и движет камни. Он тоже признает, что все хорошо. Эта вселенная, отныне лишенная властелина, не кажется ему ни бесплодной, ни ничтожной. Каждая крупинка камня, каждый отблеск руды на полночной горе составляет для него целый мир. Одной борьбы за вершину достаточно, чтобы наполнить сердце человека. Сизифа следует представлять счастливым» [1;89].

По Камю, абсурд рождается из сравнения двух и более понятий, которые являются несравнимыми, антиномичными или противоречащими друг другу. Чем шире разрыв между членами сравнения, тем выше степень абсурда. Камю пишет: «Если вооруженный ножом человек атакует группу автоматчиков, я сочту его действие абсурдным. Но оно является таковым только из-за несоответствия между намерением и реальностью, из-за противоречия между реальными силами и поставленной целью» [1;37]. Абсурда как такового, самого по себе, не существует. «По существу, абсурд есть раскол. Его нет ни в одном из сравниваемых элементов. Он рождается в их столкновении» [1;37]. Так что мир не абсурден. Как говорит Камю в «Мифе о Сизифе», абсурд заключается в «конфронтации человеческого зова и безмозглого молчания мира».

Мир не имеет смысла, но это делает его абсурдным лишь для нас, настойчиво ищущих смысл. Поэтому абсурд – это «пункт отправления», а отнюдь не «пункт прибытия». Для того, кто сможет принять этот мир с его молчанием и безразличием, в его простой и чистой реальности, сам мир перестанет быть абсурдным. Но это произойдет отнюдь не потому, что в нем найдется какой-либо смысл, а потому, что отсутствие в нем смысла перестанет ощущаться как нехватка и недостаток. В этом – высшая мудрость повести Камю «Посторонний»: «Как будто недавнее мое бурное негодование очистило меня от всякой злобы, изгнало надежду и, взирая на это ночное небо, усеянное знаками и звездами, я в первый раз открыл свою душу ласковому равнодушию мира. Я постиг, как он подобен мне, братски подобен, понял, что я был счастлив и все еще могу назвать себя счастливым»... [2;82]

Трудно лучше объяснить, что такое абсурд. Не отсутствие смысла, а крушение смысла, его нехватка. Тогда мудрость – это полное принятие, и отнюдь не смысла, а своего присутствия в

мире. Хотя сам герой повести «Посторонний», мелкий чиновник Мерсо, до самого смертного приговора, вынесенного ему в результате стечения абсурдных обстоятельств, так и не понял смысл своего пребывания на этой земле.

В годы страшной Второй мировой войны и первые послевоенные годы в центре эстетики Камю оказывается проблематика бунта во всех его ипостасях. Лейтмотивом эссе «Бунтующий человек» (1951) является тезис «я бунтую, следовательно, мы существуем», являющийся парафразом декартовского *cogito ergo sum*. Бунт имеет две формы выражения – революционную деятельность и творчество. Предпочтение Камю отдает второй его ипостаси – творчеству, искусству. Политической революции он противопоставляет революцию культурную, подчеркивая ее этический, гуманистический характер. Вслед за Сартром он выдвигает новое для экзистенциалистской эстетики положение об ангажированности литературы.

Бунт – решительное силовое противостояние; отказ от повиновения. В современном контексте слово «бунт» чаще всего обозначает индивидуальное поведение, а для определения массовых форм социального протеста используют термины «восстание», «революция», «мятеж». Немалую роль в укоренении таковой дефиниции сыграл именно Камю. «Что же представляет собой человек бунтующий? – вопрошает Камю. – Это человек, говорящий «нет» [1;125]. Но в его отрицании содержится также и утверждение. Уже первым своим действием бунтарь говорит одновременно «да», ибо он утверждает собственный бунт, подтверждает готовность сражаться за имеющиеся или зарождающиеся ценности. Камю пишет: «Бунтарь меняет порядок вещей. Только что он подставлял спину под удары плети хозяина, но вот он повернулся к нему лицом. Он ясно дает понять, что он ценит, а что ему не нравится. Не всякая ценность обязательно вызывает бунт, но за каждым бунтом стоит молчаливое признание какой-либо ценности».

Именно своим «страстным утверждением» бунт отличается от простого злопамятства. «За внешней негативностью бунта, который ничего не создает, стоит глубокий позитивный смысл, указывающий на наличие в человеке чего-то такого, что требует защиты». Человек, погружаясь в стихию бунта, порывает со своим одиночеством. Бунт – то общее место, в которое уходит

основой первостепенная общечеловеческая ценность. Я бунтую, следовательно, мы существуем. Но бунт означает, как это ни парадоксально, также уход от нигилизма и от самого бунта. Если угодно, бунт включается в более широкий контекст, каким является сама жизнь. Бунт возвышается до такой ценности, которая сопоставима с самой человечностью. Бунт – это «самодвижение жизни», это – «любовь и плодородие, или ничто».

Человек – единственное создание, которое отказывается быть тем, что оно есть, говорит Камю в самом начале своего эссе. Но это подразумевает, что мы согласны принимать себя другими. Поэтому бунт – это не более чем переход от абсурда к любви, от «нет» к «да». Следовательно, нужно идти по этому пути, ибо «абсурд – не более чем пункт отправления», хотя пройти этот путь до конца нельзя никому. Все это напоминает трехмерный ритм. Сначала человек слышит от мира «нет» (абсурд). Потом мир слышит «нет» от человека (бунт). Но в конце слышится великое «да» мудрости и любви (Сизифово «все есть благо»). Но это конечное «да» не отменяет первоначальные «нет», которые предшествуют ему и готовят его появление. «Да» продолжает их и принимает их в себя. Это справедливо в отношении абсурда, который является точкой отправления, но никуда не исчезает из мира, ибо сама мудрость не может превратиться в оправдание или объяснение. И это еще более справедливо в отношении бунта. Сказать «да» всему на свете, что и есть единственно мудрое, это и означает сказать «да» в том числе и всем «нет».

Камю отрицательно оценивал современную ему действительность и перспективы европейской цивилизации. В наши дни мы видим, что опасения Камю были не напрасны. Люди убивали друг друга во все времена, но лишь в современную эпоху убийство миллионов стало не преступлением, но закрытой сферой казенной статистики. В нашу эпоху опасны не столько преступники-одиночки наподобие Раскольникова, одержимые идеей сверхчеловека, но улыбающиеся с телеэкранов государственные мужи, все эти толерантные и политкорректные чиновники, готовые оправдать массовые убийства и геноцид интересами демократии. Вот он – подлинный абсурд: убийство человека оправдывается необходимостью соблюдения прав человека! Воистину людоедскую диалектику демонстрируют современные демократы! Недаром в

этическом плане эта концепция имморализма нашла у Камю свое художественное выражение в пьесе «Калигула» (1938), которую он продолжал перерабатывать вплоть до 1958 года.

В «Калигуле» Камю исследует механизм распада личности, уверенной в абсурдности человеческого существования, ибо вечных ценностей нет и быть не может. Основным источником для Камю послужил превосходный труд Светония «Жизнь двенадцати цезарей». У Камю Калигула, потрясенный смертью своей сестры и возлюбленной Друзиллы, восстает против судьбы и решает создать «царство абсолютной свободы», на пути к которому беспощаден ко всем. Калигула отвергает все человеческие чувства, кроме жестокости и подострастия, пробуждая в своих подданных лишь страх и ненависть. Но «нельзя все разрушить, не разрушив себя самого». Калигула как бы выбирает необычный способ самоубийства: он доводит унижением и истязанием своих подданных до того, чтобы в них пробудилась от отчаяния смелость убить тирана и мучителя.

В наше время таких калигул – больших и малых – стало еще больше, чем было во времена Камю. Государственные мужи оправдывают свои преступления логикой истории, необходимостью борьбы за прогресс человечества, государственной безопасностью и борьбой с терроризмом.

В целом, в творчестве Камю установка на позитивные ценности сочетается с пессимистической уверенностью в том, что зло непобедимо, его торжество можно лишь отсрочить, бактерии чумы не умирают. Недаром доктор Риэ в повести «Чума» (1947), вернувшись домой после эпидемии и прислушиваясь к радостным крикам, доносящимся с улицы, думает о том, что любая радость находится под угрозой. Микроб чумы никогда не умирает, он десятилетиями способен дремать, а затем может наступить такой день, когда чума вновь пробудит крыс и пошлет их подышать на улицы счастливого города, который с этого дня уже обречен.

И в годы, непосредственно предшествовавшие трагической гибели Камю в автомобильной катастрофе 4 января 1960 года, его пессимизм лишь усиливается. На примере Кламанса, героя повести «Падение» (1956), Камю показывает, что человек порочен по своей природе и неисправим, поэтому для него нет ни выхода, ни надежды. И в то же время Камю признается: «Никогда я не мог отказаться от света, от радости бытия, от сво-

бодной жизни, в которой родился. И хотя тяга ко всему этому повинна во многих моих ошибках и заблуждениях, она, несомненно, помогла мне лучше разобраться в моем ремесле, она помогает мне и сегодня, побуждая инстинктивно держаться всех тех осужденных на немощу людей, которые переносят созданную для них жизнь только благодаря воспоминаниям или коротким, неожиданным возвратам счастья» [1;125].

Юбилей Камю будет отмечаться под патронажем ЮНЕСКО и всего Евросоюза. Одним из главных мероприятий станет масштабная выставка «Альбер Камю – человек бунтующий» в Экс-ан-Провансе – городе, выбранным «культурной столицей» Европы 2013 года. Во Франции к юбилею начали готовиться заранее, и уже к 2011 году стало ясно, что приближение знаменательной даты вызывает все более бурные споры в Комиссии по организации юбилейных торжеств. Многие факты из биографии Камю, как и сама общая оценка его наследия, продолжают оставаться камнем преткновения.

Современным адептам политкорректности не очень хочется вспоминать о жутких событиях Алжирской войны, которая началась в ночь на 1 ноября 1954 года. Камю вначале поддерживал борьбу алжирцев за независимость безоговорочно, но впоследствии несколько изменил отношение к происходящему. Историки оценивают эту войну как одно из важнейших событий в истории Франции второй половины XX века, которое привело к падению Четвертой республики. Президент де Голль заключил Эвианский договор, тем самым фактически предав многих своих сограждан. Французы покинули Алжир, в результате чего началась жуткая резня. Мусульмане предлагали французам, которые медлили с отъездом, отнюдь не толерантный выбор: «Гроб или чемодан?» И те, кто не хотел покидать насиженные места и рисковал остаться, заканчивали жизнь с «кабийской улыбкой» – горлом, перерезанным от уха до уха! Как все это напоминает современную «арабскую весну», когда недалекие американские политики вызвали стихийный взрыв биологического бешенства у духовно пустой, наполненной звериными инстинктами человеческой массы!

Камю, по сути дела, предвидел все проблемы современного общества потребления, зародыши которого появлялись на его глазах, выползая как черви из гниющего трупа поверженного

колосса – европейской цивилизации. Абсурд – следствие вселенской скуки, возникающей вследствие бессмысленности жизни. «Бывает, что привычные декорации рушатся. Подъем, трамвай, четыре часа работы в конторе или на заводе, обед, трамвай, четыре часа работы, ужин, сон; понедельник, вторник, среда, четверг, пятница, суббота, все в том же ритме – вот путь, по которому легко идти день за днем. Но однажды встает вопрос: зачем? Все начинается с этой окрашенной недоумением скуки... Скука является результатом машинальной жизни, но она все же приводит в движение сознание» [1;30].

Современная жизнь так называемого цивилизованного человека Запада скучна и лишена смысла. Не все люди в состоянии осознать это, предпочитая заменять подлинную жизнь симулякрами реальности. Отсюда – широкое распространение разнообразных шоу, имитирующих жизнь со всеми ее реальными опасными коллизиями. Если лейтмотивом эпохи для Сартра стали тошнота и отвращение к окружающему миру, то для Камю таким лейтмотивом становится скука. Камю понимал, что реальность начала становиться абсурдной уже в его эпоху. Но он, тем не менее, писал: «В этом состоянии абсурда нужно жить. Я знаю, каково его основание: ум и мир, подпирающие друг друга, но неспособные соединиться».

Конечно, большинство людей просто проживают жизнь, не задумываясь над сложными философскими коллизиями, волнующими интеллектуалов. Наша эпоха выхолащивает из человека саму способность размышлять. У нас в России ныне особо выпукло проявилась тенденция, характерная для всей истории нашей

страны, которую великий А.С. Грибоедов выразил заглавием своей бессмертной комедии.

Творчество Камю – один из многих примеров глубинной генетической связи философии и литературы как форм смыслообразования. Но совершенно уникален стиль писателя, обнаруживавшего особенности своего философского мировоззрения через систему созданных им художественных образов. Сами названия произведений этого талантливой мыслителя стали знаковыми для современной европейской философии и культуры. Философия Камю будет актуальной до тех пор, пока в мире сохранится несправедливость, бездушные, разнообразные формы социального зла, против которых можно и нужно пойти на бунт.

Наша реальность дает поводов к бунту, быть может, еще в большей степени, нежели эпоха Камю. Но современный человек Запада утратил мускулы, ум, волю к жизни и волю к власти над жизненными обстоятельствами. В моде сейчас толерантность и политкорректность, бездумное культивирование которых доходит до абсурда и утраты исторической и культурной идентичности европейскими народами. Мы, по сути дела, становимся свидетелями тех процессов, зарождение которых наблюдал еще Освальд Шпенглер, а интенсивное развитие наблюдал Камю за годы своей недолгой творческой жизни, в которой он сделал так много.

Недаром эпиграфом к своему эссе «Миф о Сизифе» Камю поставил слова Пиндара:

*Душа, не стремись к вечной жизни,
Но постарайся исчерпать то, что возможно*

[1;21]

20.03.2013

Список литературы:

1. Камю, Альбер. Бунтующий человек / А. Камю. – Москва: ТЕРРА-Книжный клуб, 1999.
2. Камю, Альбер. Сочинения / А. Камю. – Москва: Прометей, 1989.
3. Соловьев, В. С. Философское начало цельного знания / В. С. Соловьев. – Минск, 1999.

Сведения об авторе:

Горохов Павел Александрович, заведующий кафедрой социальной философии Оренбургского государственного университета, доктор философских наук, профессор 460018, г. Оренбург, пр-т Победы, 13, ауд. 2313, тел. (3532) 372583, e-mail: socf@mail.osu.ru